

Продолжение

11. Между горой Чернявского и горой Баграта выбегала к морю неширокая и порожистая река Беследка.

За тремя кипарисами на плоской вершине горы Баграта видны были полуразрушенные, поросшие плющом, колючками и волчьими ягодами стены крепости, возведенной за тысячу лет до нас.

Под горой, у реки располагался когда-то город Цхум, куда восемь столетий тому назад наезжала в зимнюю пору на отдых царица Тамар, «Божьим велением Царица абхазов, картвелов, ранов, кахов и армян...»

Далее, за горой Баграта тянулись склоны невысокой горы Синоп, защищавшей полосу пляжей в южной части сухумской бухты.

На горе, среди пышной зелени дендропарка располагалось зеленовато-голубое, словно построенное из кубиков, конусов и треугольных призм, здание альпийского шале, где весной 30 года занимал «солнечную мансарду» Осип Манделштам.

«Я быстро и хищно, с феодальной яростью осмотрел владения окоема: мне были видны, кроме моря, все кварталы Сухума, с балаганами цирка, казармами...» — писал поэт.

В конце тридцатых годов шале стали называть «дачей Сталина».

12. Кофе на «Амре» начинали варить очень рано.

Поутру приходили в кофейню одни и те же люди, частью отставники-военные и пенсионеры, те, что ловили рыбу с причала. Рыболовы располагались обычно в середине причала, где их прикрывало от ветра и холода здание ресторана.

Был среди них и дядя Саня, старый сотрудник органов. От холода его спасала черная кожаная куртка с меховым воротником. Его маленькие, голубые, глубоко посаженные глаза под широким лбом всегда смотрели чуть настороженно, но, возможно, он шурился просто от избытка света. Дядя Саня давно уже вышел в отставку и почти каждое утро приходил на «Амру» порыбачить. Он был опытный и осторожный рыболов.

В будке у кофевара было тепло от жаровни с раскаленным песком. Алеко варил кофе в маленьких джезвах, меланхолически перебрасываясь репликами с несколькими посетителями кафе одновременно. То был крупный смуглый мужчина с правильными, неспешно обрисованными чертами лица, родом то ли из Ливана, то ли из Франции. Поначалу он работал во дворе ресторана «Нартаа» на набережной, позднее перебрался на крышу ресторана «Амра» на причале.

На плечах у Алеко всегда был белый халат, на голове — белый колпак. У него были густые, с сильной проседью усы, и круглые, темные глаза. По-русски он говорил не очень хорошо. С родственниками, помогавшими ему в кафе, он изъяснялся короткими фразами на армянском языке. Он был старейшиной сухумских кофеваров.

ГРЕЧЕСКИЙ
СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#193

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elsuhum@yahoo.com

ЗАБЫТЫЙ СЕБАСТОПОЛИС

МОРСКОЙ ПОРТ (ЗДАНИЕ СНЕСЕНО В НАЧАЛЕ 1960-Х)

АВТОР СТАТЬИ: В. Г. ГИЛЕВСКИЙ

Для греков и армян сидение в кафе и питье кофе было занятием естественным. То была принесенная в эти края старая «понтийская» традиция. Иногда в кофейне на «Амре» вспоминали Арзрум, Артвин и Трабзон, признание Лениным правительства «младотурков», и уступленные туркам земли.

Для укоренившихся в этих краях греков весь строй их жизни был прерван высылкой 1949 года в Казахстан. Возвращаться на Черное море из Средней Азии они начали лишь во второй половине 50-х годов. Приходили на «Амру» и греки, покинувшие Грецию после окончания гражданской войны 1946-1949 годов. Некоторые хотели вернуться в Грецию, но это удавалось немногим.

Сидя за утренней чашкой кофе, можно было услышать замечания, соотнесенные с событиями времен аргонавтов и Колхидского царства. Однажды знакомый ювелир пожаловался на директора местного салона, торговавшего чеканкой, живописью и сувенирами,

— Ну чего же от нее можно ждать, если ее при рождении назвали Медеей?

Дни зимой были короткие, быстро наступали синие, холодные вечера, и кофейня на «Амре» быстро пустела.

Греки и армяне из Малой Азии начали переселяться в эти края после окончания русско-турецкой войны 1877–1879 гг., в ходе которой абхазцы поддерживали турок. После окончания войны более половины всего абхазского населения стало «мохаджирами». Покинув родину, они уплыли в Турцию на фелюгах и чектермах. Остальные, за оказанную туркам поддержку, объявлены были «виновным населением» с запрещением проживать в Сухуме, в окрестностях города и поблизости от моря.

Большую же часть новых поселенцев составили мингрелы, уроженцы Западной Грузии. В мои дни звучали в городе разные языки: по большей части грузинский и мингрельский, а также русский, армянский, греческий и абхазский. Lingua franca в Сухуми был русский.

13. Дух скептицизма и умудренности был присущ постоянным посетителям расположенных на близости от моря кофеен.

Одним из таких завсегдатаев был Рафик, невысокий армянин с тщательно зачесанными назад, украшенными сединами волосами. Усы его всегда были аккуратно подстрижены, улыбался он мягко и вообще отличался приятной мягкостью манер. Когда-то он был учителем истории и географии, но затем стал рабочим на винзаводе. Рафик был холост и каждый день после работы приходил в кафе против светлого, выстроенного в тридцатые годы на приморском бульваре конструктивистского здания гостиницы «Абхазия».

Зимой, когда завод простаивал, ожидая нового урожая, Рафик скучал, и в высказываниях его появлялся элемент навеянного географическими и историческими познаниями скепсиса.

— Вот посмотри, — сказал он мне однажды, — когда Екатерина Вторая распорядилась давать вновь строившимся городам Причерноморья древние наименования, город в Крыму был назван Севастополем по ошибке... Об этом даже в «Советской Абхазии» писали, — завершил он, осторожно обозначив свое отношение к этому печатному органу словом «даже»... — А мост на Беследке, — продолжал он, — ты знаешь, сколько было из-за него споров? Его длина вместе с опорами — двадцать один метр, — добавил он, и, понизив голос, продолжил, — а сегодня кое-кто хочет объявить его образцом «народной архитектуры»...

Располагался мост в паре часов перехода вверх по течению Беследки от подножья горы Баграта. Сюда, в поисках «мотивов», приходили порой сухумские художники. Приходили и просто туристы с рюкзаками и гитарами...

Старый, увитый плющом арочный мост соединяет берега реки, бегущей по дну ущелья. Высеченная заглавными буквами древнегрузинского письма «асомтаврული» на западной стороне каменного моста надпись гласит: «Христос владыка, всячески... возвеличь в обеих жизнях...»

На левобережном устье изображены крест и греческая буква «Т». У дороги — полузабытые руины средневекового монастыря.

14. Летом Рафик ходил купаться на развалины крепостной стены неподалеку от ресторана

«Диоскурия», располагавшегося в башне старой турецкой крепости на изгибе набережной....

Там же знакомился он и с курортницами средних лет. Выглядели они обычно как учительницы географии или русского языка.

— Нам легче понять друг друга, — тихо улыбаясь, говорил он.

Блокнот с цитатами Рафика хранил в нагрудном кармане рубашки. Он любил белые рубашки с отложными воротничками и предпочитал узкие брюки и штилеты на босу ногу.

Рафик любил поухаживать за дамами и блеснуть образованностью, при этом глаза его, напоминаясь темные маслины, начинали блестеть. Ему нравились небольшие уютные компании, и он всегда был готов привести с винзавода столько вина, сколько потребуется. Курортницы, со своей стороны, приносили закуски и фрукты. Возлияния совершались тут же, у развалин крепостных стен.

— Построив несколько крепостей на побережье и контролируя морские пути, турки до поры до времени наблюдали за тем, как правители Восточной Грузии сводили свои счета на суше, — начинал свой рассказ Рафик.

— В 1621 году, Танурия Шервашидзе, дочь владетельного князя Абхазии, стала женой владетеля соседней Мингрелии. «Помимо природной красоты она обладала всеми добродетелями, которые подобают женщине ее фамилии: в вышивании, чтении, письме, а в великодушии и учтивости она не имела себе подобных», — мягко и многозначительно улыбаясь, зачитывал он отрывок из сочинений итальянского миссионера. — Но через несколько лет ее муж одержал победу в войне с царем соседнего, имеретинского царства, — продолжал Рафик, — и задумал жениться на Нестан-Дареджан, жене своего дяди, который был регентом Мингрелии в начальный период его правления.

Тут Рафик делал паузу и внимательно оглядывал лица слушателей. Затем он поднимал стакан, печально глядел на вино, и продолжал,

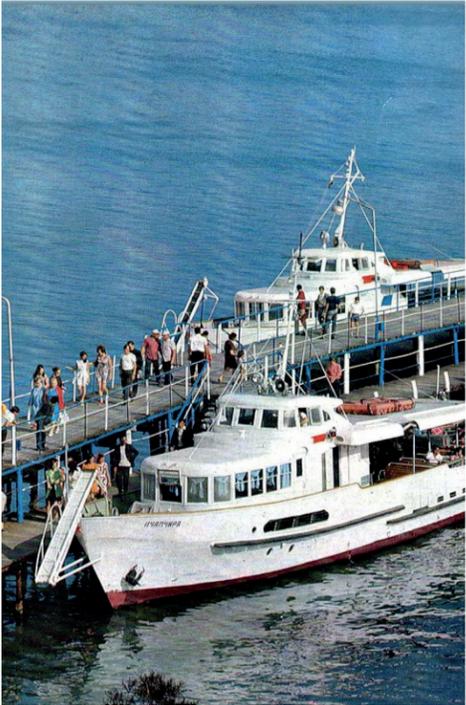
— Чтобы освободиться от уз церковного брака, муж Танурии обвинил ее в неверности. Затем, отрезав ей нос и уши, он выгнал ее из дворца. Далее он вторгся в Абхазию, владетель которой удалился в горы... Дадияни сжег и разграбил немало деревень, захватил пленников и разграбил дворец в селе Лыхны...

Подойдя к завершению рассказа, Рафик разливал по стаканам вино и поднимал тост за женскую красоту и добродетель, которые охраняют нас лучше любых крепостных стен...

История эта всегда производила на курортниц неизгладимое впечатление...

15. Южная стена крепости Сухум-кале построена была на северной стене ушедшего под воду Себастополиса в 1723 году. Крепость была четырехугольной, с мощными башнями по углам. Стены ее были сложены из больших валунов и морской гальки.

В город, выросший у стен крепости, турки доставляли ткани, соль, военные припасы и снаряжение в обмен на мальчиков и женщин. Особо ценились черкешенки.

ПРОГУЛОЧНЫЕ КАТЕРА

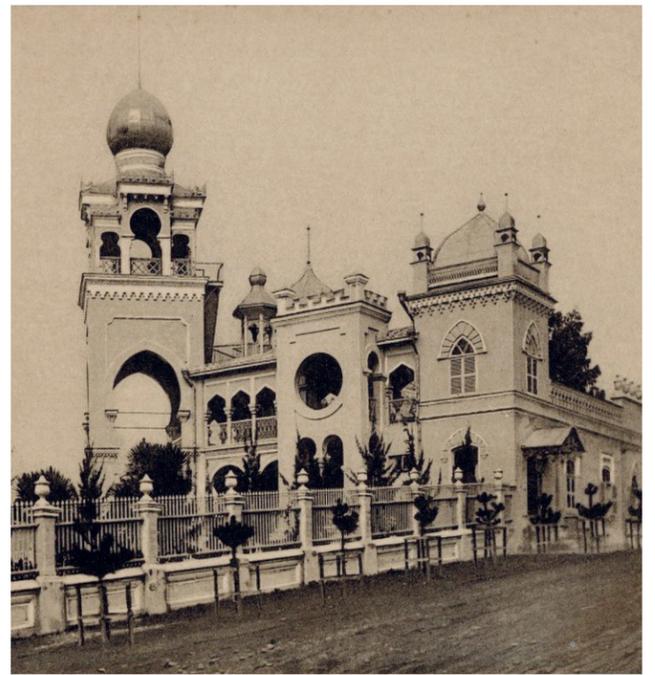
РЕСТОРАН «АМРА» НА ПРИЧАЛЕ. ФОТО 1970-Х ГОДОВ.

РЕКА БЕСЛЕДКА

КРАСНОЕ ЧЕТЫРЬЭТАЖНОЕ ЗДАНИЕ ТУБЕРКУЛЕЗНОГО САНАТОРИЯ СМЕЦКОГО. 1913 Г.

ДОМ (ВИЛЛА) И.АЛОИЗИ

«От занятия нашими войсками Абхазии и от учреждения в ней некоторого порядка зависело спокойствие Мингрелии, признавшей над собою, подобно Грузии, власть России, ибо независимое направление мыслей в этих краях всегда выражалось в воровстве и разбоях.» — писал Ф.Ф.Торнау, побывавший в Сухум-кале в 1835 году.

Прочитав этот отрывок из записок русского офицера, Рафик вздохнул, посмотрел на меня со значением, и спросил,

— Ну что, продолжать?

И, не дожидаясь ответа, зачитал следующий отрывок:

«Сухум произвел на меня самое неблагоприятное впечатление... Только из одного духана раздавались веселые голоса; в окне виднелись эплеты и фуражки наших морских офицеров. Это был духан Тоганеса, избранный ими для постоянного пристанища на берегу, единственное место отдыха в Сухуме, где за стаканом портера или марсалы удавалось забыть невыразимую тоску, которую он наводил на каждого...»

— Тут Торнау кое-что перепутал, — мягко улыбаясь, сказал Рафик, — скорее всего, там был не Тоганес, а просто Оганес... А как ты думаешь? ...Тут немало путаницы вокруг, — продолжал он, — ну вот, например, христиане в Абхазии, — сетовал Рафик, — не посещают церкви, не причащаются и не соблюдают

постов. Ну а мусульмане едят свинину, пьют вино и не делают обрезания, — продолжал Рафик, — и вообще, все религиозные праздники сводятся к общему застолью...

Рассказывал он и о священном дубе, у которого еще в девятнадцатом веке давались клятвы и принимались важнейшие решения. Дуб стоял поблизости от пицундского храма. Храм в Пицунде почитался вдвойне священным, так как купол его был разбит молнией.

Всё поражённое молнией считается у абхазов священным, утверждал Рафик.

16. Первый поход русского экспедиционного корпуса против непокорных горцев состоялся в мае 1837 года. Отряд в восемь тысяч штыков под началом генерала Розена двинулся из Сухума в сторону Цебельды. Участвовал в этом походе и писатель романтического направления А. А. Бестужев-Марлинский.

Участник восстания декабристов, приговоренный к двадцати годам каторжных работ, он с 1829 года находился в рядах действовавшей на Кавказе армии. Незадолго перед отъездом в Западную Грузию Бестужев заказал молебен по Грибоедову и Пушкину на могиле Грибоедова в Тифлисе. Из Кутаиса он вместе с 10-ым линейным Черноморским батальоном

проследовал в Сухум-кале, где батальон присоединился к экспедиционному отряду генерала Розена.

Вот отрывок из письма Бестужева, написанного во время похода:

«...Я имею счастье зевать теперь на высотах гор, которые покорились нам, то есть постреливают в своих победителей при всяком удобном случае. Впрочем, выдали до 120 пленных... Мы спешим очень медленно... Страх как хочется поскорей в дело, а то эта политическая война словами с оборванцами надоела, как нельзя более... Я команду стрелковым взводом 2-й гренадерской роты... Мы здесь даже без палаток...»

В Цебельде генералу Розену удалось добиться «присяги на верность» от некоторых представителей княжеского рода Маршания.

Вскоре после завершения цебельдинского похода Бестужев погиб в бою с горцами при высадке на мыс Адлер, к северу от Сухум-кале. Военные действия продолжались до 1864 года.

За два года до окончания Кавказской войны в Лондон прибыла Абхазская депутация во главе с полковником Теофилом Лапиньским. Депутацию принял лорд Пальмерстон.

«Абхазцы представляют собою, в настоящую минуту, единственное племя, — сказал

Лапиньский, — которое продолжает оказывать на Кавказе могущественное сопротивление России. Но и оно изнемогло под тяжестью неравной борьбы и продержится в таких условиях много-много еще три года, а потом пойдет неизбежно по следам других племен кавказских: двинется в Турцию. Европе необходимо, в видах ослабления северного колосса и занятия чем-нибудь его армией на юге, когда с противоположной стороны заносится также серьезный удар, — поддержать доблестных абхазцев, упредить их бегство из родного гнезда и тем спасти, может быть, всех тамошних горцев. Кому, как не Англии, первой морской державе мира, принадлежит в этом случае великодушная и стратегическая инициатива...»

Отвечая Лапиньскому, премьер-министр Англии подчеркнул: «Вы очень верно смотрите, полковник, на Кавказ: действительно, там племя за племенем уступало энергическому напору России. Все наши послы и консулы на востоке доносили мне об этом в течение целых сорока лет. И я не удивлюсь, если абхазцы делают теперь то же самое!»

Герцен, общавшийся с Лапиньским в Лондоне, писал: «Он был долго на Кавказе со стороны черкесов и так хорошо знал войну в горах, что о море и говорить было нечего... Лапиньский был в полном слове кондотьер.

Твердых политических убеждений у него не было никаких... Принадлежа по рождению к галицийской шляхте, по воспитанию — к австрийской армии, он сильно тянул к Вене. Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, неисправимо. Ремесло свое, вероятно, он знал, вел долго войну и написал замечательную книгу о Кавказе».

17. К северной стене турецкой крепости подходили вымощенные старым булыжником улицы с длинными кварталами двухэтажных, розовых табачных складов с выбитыми стеклами окон и проржавевшими воротами. В складских помещениях жили голуби. Воздух вокруг был напитан густым и пряным, неистребимым запахом табака, смешанным с запахом моря и ушедших времен.

Разведение табака началось в конце XIX века.

В мои годы старые табачные склады были заброшены.

В середине шестидесятых в городе начали продавать сигареты «Акуа», то было древнее абхазское название города. Сигареты без фильтра пахли прибрежными кварталами. На белой шершавой коробке изображено было табачного цвета солнце, прелетала над волной чайка.

Продолжение следует